

Заместитель министра внутренних дел Кореической Народно-Демократической Республики генерал-лейтенант КАН САН ХО (Иван Афанасьевич Кан). Снимок 1956 года.

— Честно говоря, Иван Афанасьевич, я, пожалуй, впервые слышу о такой невероятной карьере. Советский человек и вдруг крупный правительственный чиновник в чужом государстве...

— Это как сказать... В 45-м, насколько я теперь понимаю, Сталин рассматривал север Кореического полуострова вроде как свою вотчину. Не надо забывать, что в августе 45-го в составе Советской Армии в Северную Корею вошли очень многие советские корейцы. До этого корейцам не разрешалось служить в Советской Армии. И только со второй половины 45-го года военкоматы Казахстана, Узбекистана и Дальнего Востока, где проживала основная масса корейцев, начали призывать их на военную службу. Конечно, это делалось в видах планировавшихся операций на Кореическом полуострове. Советские корейцы, коммунисты, вначале находились в подчинении начальника гражданской администрации Советской Армии в Северной Кореи генерала Романенко, а потом стали работать в провинциальных комендатурах, во вновь образованных органах власти. В 46-м по просьбе оргбюро Компартии Северной Кореи ЦК КПСС передал на постоянную работу в КНДР целую группу партийных работников корейской национальности. Такие просьбы повторялись еще трижды, так что на очень многих ключевых постах в партии и государстве оказались корейцы, присланные Сталиным, и я в их числе.

— А я, между прочим, слышал, что и Ким Ир Сен — вовсе не корейский, а на самом деле он родом из Узбекистана. В Корею же его привезли по указанию Сталина.

— Чуть! Он родился в Мангэнда — это местность недалеко от Пхеньяна. В 48-м году — я тогда уже работал в Корею — он меня пригласил на церемонию перезахоронения праха его родителей. Там в Мангэнда, я познакомился с его родственниками. Так что ни о каком Узбекистане речи нет. Ну а насчет Сталина... Доля истины в этом есть. Дело в том, что Ким Ир Сен был слишком незначительной фигурой на фоне других политических деятелей того времени. Без поддержки Сталина у него, конечно, не было ни малейшего шанса выдвинуться. Ведь кем он был вначале? Рядовым партизаном Первой объединенной партизанской армии, которой командовал Ян Ден Уй. Потом, правда, дослужился до командира дивизии, но разве это уровень для руководителя целой страны? Для политика такого ранга багаж был явно недостаточным.

Но Сталин желал иметь у главы КНДР послушного ему человека. Вот тогда и появился Ким Ир Сен. Его доставили в порт Вонсан в сентябре 45-го из Владивостока на советском пароходе. Понятно, что в условиях, когда весь Север контролировался Советской Армией, воцарение Ким Ир Сена не составило никакого труда — я служил тогда инструктором политотдела, занимаясь связями с местным населением и получая прямые указания всячески рекламировать Ким Ир Сена. Ну а если Отец и Учитель, я разумею Сталина, велел, то мы соответственно старались как могли всеми силами поддержать Ким

ИВАН АФАНАСЬЕВИЧ МЕНЯЕТ ПРОФЕССИЮ, ИЛИ НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ИДЕЯХ ЧУЧХЕ

«Тирания, это ужасное и гнусное бедствие, обязано своим происхождением только тому, что люди перестали ощущать необходимость в общем и равном для всех законе и праве. Некоторые люди неспособные судить здраво, думают, что причины появления тиранов — другие и что люди лишаются свободы без всякой вины с их стороны, только потому, что подверглись насилию со стороны выдвинувшегося тирана. Однако это ошибка... Как только потребность в общем для всех законе и праве исчезает из сердца народа, на место закона и права становится отдельный человек... Поэтому некоторые люди не замечают тирании даже тогда, когда она уже наступила».

Неизвестный греческий философ V века до н. э.

Поразительная все-таки у нас страна. Чего только и кого не встретишь на ее «бескрайних» просторах. Смотрю на своего собеседника и с трудом верю в только что услышанное. Ему 81 год, но для своего почтенного возраста Иван Афанасьевич выглядит вполне бодро. Что вообще-то удивительно, учитывая все головокружительные взлеты и падения, какими сопровождался его путь. Иван Афанасьевич — наш советский гражданин, родился в Приморье, был крещен в православную веру, словом, все как у людей. Но на закате Отечественной войны судьба его вдруг сделала крутой поворот: он стал гражданином Северной Кореи, где звали его по-корейски Кан Сан Хо. Без малого пятнадцать лет пробыл Иван Афанасьевич в КНДР, дослужившись до звания генерал-лейтенанта и занимая пост заместителя министра внутренних дел этой страны — родины его предков.

* Цитируется по книге С. Я. Лурье «Архимед», Л., изд. АН СССР, 1945.

Ир Сена поскольку нам были даны соответствующие директивы. Очень многие советские корейцы остались в Северной Кореи в 49-м году, когда Советская Армия ушла из КНДР. Все мы приняли корейское гражданство и «превратились» в членов Трудовой партии Северной Кореи. Так что на ситуацию в партии и в стране мы могли влиять очень серьезно, что в конечном счете и делалось...

— То есть, насколько я понимаю, являне Ким Ир Сена корейскому народу есть дело наших рук?

— Ну, в общем, конечно, так. Основная заслуга Сталина. Мы-то что... Мы были простыми исполнителями велений партии. Я разумею КПСС.

— Иван Афанасьевич, но в таком случае мне не совсем понятно, каким макаром он добился такой безграничной власти? Ведь кругом были люди, знавшие истинную цену этому сталинскому выдвигенчу...

— Но мы-то, повторяю, его поддерживали по указанию Сталина. Да и нужно признать, что он оказался на редкость способным учеником. Великий Вождь повел борьбу за власть испытанными сталинскими методами: возможным соперникам навешивались политические ярлыки «заговор» следовал за «заговором», словом, что я вам рассказываю...

— Но ведь вы были заместителем министра внутренних дел Северной Кореи. Таким образом, вы должны были быть не только свидетелем, но и участником этих трагических событий...

— Я и был, только не в том качестве, которое вы имеете в виду... Дело в том, что до войны 50-го года обстановка в Северной Кореи была в целом здоровой. Ким Ир Сен, правда, к этому времени уже сосредоточил в своих руках партийную и государственную власть, но все это совершилось законными методами, в кабинетах, при поддержке советской администрации в Северной Кореи. Он тогда на каждом углу провозглашал «ура Сталину!», а уж к нам — я имел в виду советских корейцев — относился как отец родной. Сколько раз он при мне говорил, мол, что быя без вас дела! Я, говорит, умею стрелять, но сопкам бегать, а опыта практического руководства у меня никакого. Словом, не разлей водой. Но когда после XX съезда начались разоблачения сталинских преступлений, он почувствовал прямую угрозу своей безграничной власти. Его-то культ был скопирован со сталинского едва ли не до мельчайших подробностей. Но мы, те, что приехал из СССР, поддержали хрущевские инициативы, ведь все мировое коммунистическое движение положительно оценило борьбу с последствиями культа личности, за исключением Китая. Понятно, что он постарался избавиться от нас. Раньше-то мы молчали, а теперь? Ну и началось. В 50-х были репрессированы многие партийные и государственные работники, военачальники, дипломаты, деятели литературы и искусства, ученые. Эта волна уже не останавливалась до конца моего пребывания в КНДР. И вполне естественно, что я и сам попал под этот паровоз.

— Вы были репрессированы?

— Я в рубашке. считайте, родился. До сих пор — хотя уже прошло больше тридцати лет — я не могу прийти в себя когда вспоминаю о так называемой «идеологической проверке», которой меня подвергли в числе сотен тысяч корейцев. То, что мне удалось вырваться на Родину, — это совершенно невероятное везение, какое-то фантастическое стечение обстоятельств. Я ведь, надо признать, занимал довольно высокое положение в партийно-государственной иерархии. Когда, после ухода Советской Армии, я по просьбе ЦК ТПК и с разрешения ЦК КПСС остался в КНДР, меня назначили заместителем председателя комитета ТПК провинции Канвон. В 51—52-м годах я работал директором школы по подготовке кадров при Совете министров КНДР, а в 53—54-м — директором Центральной партийной школы. Но уже летом 54-го ЦК ТПК утвердил меня в должности заместителя министра внутренних дел КНДР и начальника политуправления МВД в звании генерал-лейтенанта.

На этом месте я проработал три года, до конца 57-го, когда меня отозвали с занимаемых должностей и направили в качестве главы корейско-китайской стороны в военную комиссию по перемирию на переговоры с южнокорейцами и американцами. А вы, я думаю, понимаете, чем выше сидишь, тем больнее падать... Вот я и считаю, что родился в рубашке: счастливо отделался одной идеологической проверкой.

— А что это за проверка?

— Это такая утонченная форма экзотического допроса.

В мае 59-го меня вдруг вызвал к себе начальник Главпура Корейской армии. Мне было объявлено, что решением ЦК я освобожден от занимаемой должности и в ближайшие дни последует новое назначение. В течение трех месяцев мне мочили голову бесконечными отсрочками решения, что могло для меня означать только одно — скорый арест. Это был самый лик «охоты» за выходцами из СССР. За мной следили, причем слежка была настолько явной,

что не заметить ее было попросту невозможно. Понимая, что шансов на спасение у меня ничтожно мало, я все-таки решил воспользоваться весьма призрачной возможностью — попросить разрешения на возвращение в СССР. Вот я и написал письмо с такой просьбой на имя Ким Ир Сена.

— Храбрый вы человек...

— Самое поразительное, что вскоре мне объявили о положительном решении вопроса, мне было разрешено вернуться на Родину, где оставались мои дети и родственники. Оставались какие-то формальности, но, честно говоря, я был не настолько наивен, чтобы поверить в столь благополучный исход дела. Что-то говорило мне: так просто меня не отпустят... Так и оказалось. Сначала в клубе МВД состоялось многолюдное собрание, на котором мне было предложено заняться самокритикой. Я тут же признал, что в свое время плохо организовал среди сотрудников МВД пропаганду знаменитых идей Чучхе, родившихся в голове Великого Во-

ждя, покритиковал свою приверженность к преферансу по выходным в компании нескольких приятелей, признал ошибочность своих выходов на охоту. В ответ мне предложили поделиться соображениями о моей антипартийной деятельности. Я сказал, что по этому поводу никакой информацией не располагаю. Тогда председательствовавший заявил, что я не подготовился к самокритике должным образом, закрыл на этом собрание, а мне предложил явиться на следующий день в политуправление МВД. И вот в течение трех с половиной месяцев меня круглосуточно допрашивали три смены следователей.

— То есть как «круглосуточно»? Без перерывов?

— Прерывались только на время еды. Спать не разрешалось, причем на допросах я все время должен был стоять. В качестве обвинений мне предложили сущий бред вроде того, что по моему приказу имевшееся в центральной школе МВД оружие должны были запихать в доменную печь, чтобы таким вот способом обезоружить сотрудников МВД!.

С точки зрения моих следователей очень серьезной диверсией была публикация в апрельском номере газеты МВД редакционной статьи под названием «Культ личности не имеет ничего общего с марксизмом-ленинизмом», появившейся в день рождения Любимого Полководца. Критика культа личности — это хрущевский ревизионизм. А поскольку план редакционных статей был утвержден лично мной, я, таким образом, попал в разряд ревизионистов. Сюда же подверстали и единственное обвинение, которое я признал, — слабую пропаганду идей Чучхе.

— Вот видите, значит, не зря вас песочили... Сами признаете, что с идеями Чучхе у вас неполадки. Поэтому ловлю вас на слове и прошу мне вкратце растолковать, что же это за чудодейственная панацея, которая, насколько я могу судить по журналу «Корея сегодня», в самом ближайшем будущем превратит Северную Корею, а за ней и весь мир в процветающий коммунистический рай. Или я не прав?

— Вопрос, конечно, интересный. По категорическому утверждению Великого Вождя идеология Чучхе есть особый вариант коммунистической теории, подходящий для Северной Кореи. По сути, эта «система» ничего общего с марксизмом не имеет. Слово «Чучхе» состоит из двух иероглифов. «Чу», означающего хозяина или монарха, и «Ххе», что значит «тело» или «организм». Из этого сочетания и вытекает содержание идей Чучхе. Они пропагандируют, во-первых, полную самостоятельность и независимость, отказ от любой помощи извне и, во-вторых, высшую роль вождя, читай, монарха.

В незабвенных «Указаниях Великого Вождя товарища Ким Ир Сена о революции и строительстве» прямо сказано, что «эта идеологическая система содержится в идеологии Чучхе. В политике это суверенитет, в экономике — самостоятельность, в обороне — самозащита». А в подробном издании «О революционной идеологии товарища Ким Ир Сена» есть такое глубокое откровение о роли единоличного руководителя: «Каждая страна должна иметь своего вождя, рабочие и весь народ должны вооружиться идеологией своего вождя, чтобы добиться единства теории и практики. Такая идеология является основой бесконечной преданности народа своему вождю, уверенности в победе в любых начинаниях». Понятно, что этими оригинальными мыслями Выдающийся Теоретик поделился с миром в надежде укрепить свою власть. Под лозунгом идей Чучхе народ в КНДР неустанно подбивают на трудовые подвиги. К сожалению, объективные экономические законы никак не вяжутся с идеями Чучхе, что, очевидно, и является причиной тяжелейшего экономического положения Северной Кореи.

Надо сказать, что на пропаганду идей Чучхе уходит немало денег. Эта идеология — штука дорогая: во многих странах на средства КНДР были открыты институты по изучению идеологии Чучхе. Так что это не какое-нибудь легкомыслие, а идеи, заработанные потом и кровью всей страны.

— Я вижу, что со времени идеологической проверки вы исправили недостатки в пропаганде идей Чучхе и пересмотрели свою ошибочную позицию. Думаю, что, если бы вы так владели материалом во время допросов, дело бы ваше завершилось к общему удовольствию. Впрочем, ведь, судя по тому, что мы с вами сейчас беседуем, так оно и произошло? Вас отпустили?

— Отпустили. Предварительно доведя до полного нервного и физического истощения. В финале этой проверки меня склоняли отказаться от возвращения в СССР, но я твердо стоял на своем, говоря, что я инвалид и неспособен к физической работе, к умственной же я вернусь после трехмесячной «проверки» не смогу никогда, а на Родине, мол, у меня дети и родственники, которые возьмут меня на иждивение. Но, честно говоря, даже и после того, как в советском консульстве мы с женой получили въездную визу в СССР, и даже вплоть до советской границы я все еще не верил, что мне удалось вырваться. Ведь десятки, сотни моих друзей, сослуживцев, соотечественников ступили в тюрьмы и на каторге вместе со своими женами и детьми. Когда мы переехали границу, помню, мы с женой в купе тихо зашли «Широка страна моя родная», только теперь понял, что это не сон. Но как болело сердце за тех, кто никогда не вернется, кто уже отлучился и кому еще предстоят эти тяжкие мучения...

— Иван Афанасьевич, хотел бы спросить вас о Корейской войне, о которой вы упоминали. Дело в том, что, когда я занимался подготовкой к печати фрагментов из «Воспоминаний» Никиты Сергеевича Хрущева, цензура, еще существовавшая в тот период, запретила нашему журналу публикацию отрывка, где речь шла о начале войны 50-го года. В этом фрагменте Хрущев прямо называет инициатором войны Ким Ир Сена, категорически утверждая, что именно от него исходило предложение «процупать штюком Южную Корею», предложение, адресованное Сталину, который благословил эту инициативу. Несмотря на наши возражения, цензор снял эту часть публикации, и только теперь мы имеем возможность предложить ее читателям. Я хочу узнать ваше мнение — мнение очевидца. Ведь вы в тот

момент находились непосредственно в КНДР.

— Надо вам сказать, что незадолго до начала этой братоубийственной войны все средства массовой информации Севера развернули широкую пропаганду усилий руководства КНДР в деле мирного объединения страны, тех якобы мирных предложений, с которыми Ким Ир Сен неоднократно обращался к администрации Южной Кореи. В то же время ни дня не проходило без возмущенных сообщений о вооруженных провокациях южнокорейцев. Газеты твердили, что Ли Сын Ман стремится объединить страну силой оружия. Все издания обошла фотография госсекретаря США Даллеса, который показывал в сторону Севера, находясь рядом с 38-й параллелью. Подпись к ней сообщала, что вот таким манером Даллес приказывает американской марionетке Ли Сын Ману напасть на КНДР. Таким образом, все население, и я в том числе, было уверено, что скорой войны не избежать и что начнется она, несомненно, по инициативе Юга, продавшегося американцам.

— Какую должность вы занимали в тот период?

— Я в то время работал заместителем председателя комитета ТПК провинции Канвон. В мае 50-го я уехал в командировку в уезд Енчон Сюда, в непосредственное соседство с 38-й параллелью, только что были введены из Китая две дивизии, состоявшие из военнослужащих исключительно корейской национальности. Я, естественно, решил, что это превентивная мера северокорейского руководства на случай военных действий.

В июне я приболел и попал в центральную больницу в Пхеньяне. В одно время со мной там лежали несколько высокопоставленных партийных и государственных деятелей. Мы часто собирались вместе и обсуждали положение в стране в связи с явными признаками приближения войны. И вот вдруг накануне выписки в 2 часа ночи меня вызывают к телефону. Звонил первый секретарь ЦК ТПК, предложивший мне немедленно явиться к председателю Совета министров, то есть к Ким Ир Сэну. Когда я вошел в кабинет, там уже полностью собралась весь Совет министров и ряд приглашенных лиц. Ким Ир Сен сейчас же сообщил о том, что два часа тому назад, в час ночи, южнокорейская армия открыла огонь вдоль всей 38-й параллели. В связи с этим

нападением он, как верховный главнокомандующий, отдал приказ о контрнаступлении. Все единогласно проголосовали за утверждение этого приказа.

28 июня я приехал в приграничный уезд Хаачен. Честно говоря, я был немало озадачен полным отсутствием следов военных действий на северном берегу реки Хаачен, по которой проходила разграничительная линия. На нашей стороне не было ни разрушений, ни воронок от разрывов снарядов или мин, ни одного убитого или раненого?! На другом берегу начиналась Южная Корея. Туда-то, в город Чунчен, центр провинции Южный Канвон, только что освоенный нашими доблестными войсками, я и направился. По мере продвижения на юг мне все чаще стали попадаться разгромленные военные объекты ожан, судя по всему застигнутых врасплох, — тут и там стояли пушки с полным боекомплектом, лежали десятки необорванных трупов солдат южнокорейской армии.

— Вообще официальная история умалчивает о причинах этого удивительного провала «агрессора», ведь, как правило, нападающая сторона имеет преимущество, особенно в первый, начальный период военных действий, тут же все было наоборот: через три дня (!) Сеул был занят армией КНДР...

— Вот-вот. Я вообще ломал голову: как Станов повели себя американцы, с одной стороны, приказав Ли Сын Ману напасть на Север, а с другой — эвакуировав все свои войска из Южной Кореи за исключением одной-единственной дивизии, командир которой — Тин — ко всему еще и оказался в плену?! Словом, надо быть слепым или идиотом, чтобы не понять, что войну, несомненно, начал Ким Ир Сен. Именно он должен нести полную ответственность перед корейским народом за развязанную им гражданскую войну, когда брат пошел на брата и сын на отца.

— Скажите, вы информированы о нынешнем положении в КНДР?

— Очень слабо. Дело в том, что достоверная информация оттуда практически не поступает. Те, кого выпускают за рубеж, во избежания репрессий предпочитают молчать об истинном положении вещей. Иностранцам же удается увидеть только то, что дозволено властями. В Северной Корее запрещены любые несанкционированные, неподконтрольные власти контакты местных жителей с иностранцами. Перемещения внутри страны тоже запрещены. Скажем, для посещения родствен-

ников необходимо получить специальное разрешение на отлучку с места жительства, что архитрудно. Экономическое положение катастрофично. На человека ежедневно выделяется 700 граммов риса, но и того не дают. Мясо полагается только трижды в году: в день образования республики, в день рождения Великого Вождя и в день рождения Уважаемого Руководителя — сына и наследника. Население полностью лишено коротковолновых приемников и зарубежных изданий — правдивая информация не поступает в страну. КНДР погрязла в огромных задолженностях иностранным государствам. В 70-х годах Швеция и Австрия отозвали из Пхеньяна своих послов в виде протеста за непогашенные долги. По различным оценкам, другим европейским странам Северная Корея должна от 3 до 4,5 миллиарда долларов. Задолженность Советскому Союзу, по сведениям «АиФ», на начало ноября 89-го года составила 2,2 миллиарда рублей. Великий же Вождь со своим отпрыском — Уважаемым Руководителем — непельно проводит время в роскошном особняке у горы Моранбон, впрочем, время от времени выезжая в уютные резиденции, разбросанные в самых здоровых и живописных местностях страны. Не забыл Любимый Полководец и своих многочисленных родственников, причем не только живых, но и мертвых. Если первые дружной гурьбой толпятся у трона, распределив в своей, так сказать, «мишпухе» самые хлебные места, то вторым сооружены внушительные памятники...

— Как вы считаете, возможны ли там какие-то перемены?

— Боюсь, что на сегодняшний день изменения там маловероятны. Тюрьмы еще при мне были заполнены под завязку, а с тех пор, насколько мне известно, построены новые. По-прежнему бесследно исчезают люди. На наши многочисленные запросы о судьбе бывших советских корейцев нам неизменно отвечали либо пустой и наглой демагогией, либо полным молчанием. Дети, родственники, оставшиеся в СССР, по сей день ничего не знают о судьбах своих близких. Словом, поводов для оптимизма я не вижу. С другой стороны, перемены, происходящие в мире, слишком всеохватны, чтобы не затронуть каким-то образом и Северную Корею.

Беседу вел Константин СМЕРНОВ. Чикент — Москва.

Никита Сергеевич ХРУЩЕВ

КОРЕЙСКАЯ ВОЙНА

(Из «Воспоминаний»)

Хочу рассказать о том, чему я сам был свидетелем. Кажется, в 1950 году, когда я уже начал работать в Москве или чуть раньше, еще до моего переезда в Москву, приехал Ким Ир Сен со своей делегацией. Он вел беседу со Сталиным и там поставил вопрос, что они хотели бы процупать штюком Южную Корею. Он говорил, что при первом толчке из Северной Кореи там произойдет внутренний взрыв и восстановится народная власть, то есть такая же власть, какая была в Северной Корее.

Естественно, Сталин не мог противостоять этому. Это импонировало и сталинской точке зрения, его убежденности как коммуниста, тем более это внутренний корейский вопрос: Северная Корея хочет подать руку своим бра-

тям, которые в Южной Корее находятся под пятой Ли Сын Мана.

Ким Ир Сен докладывал Сталину и был совершенно уверен в успехе этого дела. Я помню, Сталин тогда выражал сомнения: его беспокоило, ввяжется ли Америка или она пропустит это мимо ушей. Склонились к тому, что если это быстро будет сделано (Ким Ир Сен был уверен, что это будет сделано быстро), то вмешательство США уже будет исключено.

Сталин все-таки решил запросить мнение Мао Цзэдуна о предложении Ким Ир Сена. Я должен заявить, что это было не предложение Сталина, а предложение Ким Ир Сена. Он был инициатором. Сталин, конечно, его не сдерживал.

Я считаю, что и никакая коммунист не стал бы его сдерживать в таком порыве освобождения Южной Кореи от Ли Сын Мана, от американской реакции. Это противоречило бы коммунистическим мировоззрениям. Я не осуждаю Сталина за это, а, наоборот, я полностью на его стороне. Я и сам бы, наверное, тоже принял бы это решение, если мне было бы нужно решать.

Мао Цзэдун ответил тоже положительно. Я сейчас дословно не помню, как формулировался запрос Сталина, но, по-моему, он спрашивал его: как он относится к существованию этой акции и вмешательству США или не вмешаются. Мао Цзэдун ответил одобрением на предложение Ким Ир Сена и выразил мнение, что США, видимо, не вмешаются, так как это внутренний вопрос, который решается самими корейским народом.

Я помню, за обедом на даче много шутили. Ким Ир Сен рассказывал о быте корейцев, говорил о климате Кореи, о хороших условиях выращивания риса, о рыбной ловле. Одним словом, он много рассказывал хорошего о Южной Корее. Он говорил, что после воссоединения Юга и Севера Корея станет полноценной и она будет иметь возможность обеспечить сырьем Севера и обеспечить потребность народа в пище за счет рыбной ловли, риса и других сельскохозяйственных культур, которые в изобилии имеются в Южной Корее. Мы желали успеха Ким Ир Сэну и всему руководству Северной Кореи и ожидали, что этот успех будет реально завоеван.

Мы и до этого давали вооружение Северной Корее. Сейчас мы не обсуждали, какие средства вооружения были в связи с этим выделены Северной Корее. Мне это было неизвестно, но я, само собой разумеется, считал, что нужное количество танков, артиллерии, стрелкового вооружения, винтовок, пулеметов и прочих инженерных и зенитных средств они получат. Наши воинские авиационные части прикрывали Пхеньян и оставались там.

Настал момент, и началась война. Нужно сказать, что война была начата успешно и северокорейцы быстро продвигались вперед. Но того, что предполагал Ким Ир Сен, что при первых выстрелах будет внутренний подъем, востание и будет свергнут Ли Сын Ман, этого, к сожалению, не произошло. Оценки от Ли Сын Мана и его клики проходили путем продвижения войск Северной Кореи. Сопротивление было слабое: Ким Ир Сен оказался прав: строй был непрочный и сам себе не мог обеспечить защиты. Это говорит о том, что внутри Южной Кореи режим не

пользовался поддержкой, но внутренних сил для восстания не хватало. Видимо, все-таки организационная работа была поставлена слабо, а Ким Ир Сен считал, что Южная Корея вся покрыта партийными организациями, которые только ждут сигнала и тут же подымут народ на восстание. А восстания не получилось.

Заняли Сеул, и армия быстро и очень успешно продвигалась вперед. Мы все радовались и желали Ким Ир Сэну успехов, потому что это была освободительная война и это была война классовая: рабочие, крестьяне, интеллигенция под руководством Трудовой партии Северной Кореи, которая стояла и стоит на социалистических началах, боролась с капиталистами. Это прогрессивное было явление.

Но в конце концов, когда армия Ким Ир Сена подошла к Пусану, не хватало духу. Его надо было взять, и война бы кончилась. Таким образом, была бы единая Корея, безусловно, социалистическая, более мощная, с богатой промышленностью, сырьем и сельским хозяйством.

Увы, этого не произошло. Противник воспользовался тем, что Ли Сын Ман организовал сопротивление в Пусане и подготовил войска для высадки десанта. Десант был высажен, и создались очень тяжелые условия.

Собственно, вся армия, которая была на юге, была отрезана этим десантом, и все вооружение, которое там было, досталось Ли Сын Ману. Одним словом, настал катастрофический момент для Северной Кореи. Нависла угроза катастрофы над Северной Кореей.

Мне совершенно было непонятно, почему Сталин отозвал всех наших советников, которые были в дивизиях, а может быть, и в полках, когда Ким Ир Сен готовился к походу. Он отозвал всех советников, которые консультировали и помогали строить армию.

Я тогда сказал об этом Сталину, и он очень враждебно реагировал на мою реплику: «Не надо. Они могут быть захвачены в плен. Мы не хотим, чтобы были данные для обвинения нас в том, что мы участвуем в этом деле. Это дело Ким Ир Сена».

Таким образом, наших советников там не было. Это поставило армию в тяжелые условия. Когда уже завязались упорные бои, я очень переживал: мы получали донесения о трагичном состоянии Ким Ир Сена.

Я очень сочувствовал Ким Ир Сэну и опять предложил Сталину: «Товарищ Сталин, почему бы нам не оказать более квалифицированную помощь в виде советов Ким Ир Сэну? Ким Ир Сен сам человек не военный, партизан, но он революционер, который хочет воевать, хочет драться за свой народ, освободить всю Корею. Хочет, чтобы она была свободной и независимой. Он сам не военный человек, а тут наступает война уже с американскими частями».

Вот Малиновский. Он командует сейчас Дальневосточным военным округом. Почему бы где-то в Корее сейчас не посадить Малиновского с тем, чтобы он инкогнито разрабатывал военные операции, давал бы указания и тем самым оказывал помощь Ким Ир Сэну?»

Сталин очень остро реагировал на мои замечания. Я был поражен: ведь Сталин благословил Ким Ир Сена, не сдерживал, а вдохновлял его на этот путь.

Я считаю, что если бы Ким Ир Сен получил еще один, максимум два танко-

вых корпуса, то он ускорил бы продвижение на юг и с ходу занял бы Пусан. Война бы кончилась. Потом американская пресса говорила, что если бы Пусан был занят с ходу, то якобы было решено не вмешиваться вооруженными силами со стороны США. Но этого не произошло.

Была большая заминка, и тогда был нанесен удар десантными войсками США. Они отбили Сеул, продвинулись дальше, перешли 38-ю параллель, разграничительную линию, которая была установлена при капитуляции Японии. Наступило катастрофическое положение для Северной Кореи, для Ким Ир Сена.

Наш посол писал очень трагичные донесения о душевном состоянии Ким Ир Сена. Ким Ир Сен уже собирался уйти в горы, опять вести партизанскую войну.

Когда нависла угроза, Сталин смирился с тем, что Северная Корея будет разбита и что американцы выйдут на нашу границу.

Я отлично помню, как Сталин в связи с обменом мнениями по обстановке, которая сложилась в Северной Корее, сказал: «Ну, что же? Пусть теперь будут нашими соседями на Дальнем Востоке Соединенные Штаты Америки. Они туда придут, но мы воевать сейчас с ними не будем. Мы воевать не готовы».

Никто больше никаких реплик ему не подавал, и вопрос считался за Сталиным. Я говорю «за Сталиным» условно, потому что наших войск там не было.

Если наши войска там и были, то они только лишь прикрывали аэродромы. Я сейчас даже точно не помню, были ли эти аэродромы на территории Северной Кореи, или эти аэродромы располагались на территории Маньчжурии. Мы занимали тогда Порт-Артур.

На первых порах, когда завязалась война, наша авиация успешно справлялась с задачей, которая была поставлена, по прикрытию городов и электростанций. Она не допускала бомбежки и сбивала американцев. В основном тогда наша авиация была вооружена истребителями МИГ-15. Это был новый наш истребитель с реактивным двигателем. Очень маневренный и очень хороший истребитель. Американцы в ходе войны перевооружили свою авиацию, ввели новый истребитель, который был более быстоходен и более мощен. Против этих истребителей наш МИГ-15 был слаб, и мы стали терпеть поражения. Американцы прорывались и бомбили безнаказанно. Мы уже не обеспечивали прикрытия и утратили свое господство в воздухе.

Когда создалось такое трагическое положение для Северной Кореи, вдруг прибыл Чжоу Эньлай. Я не присутствовал при его встрече со Сталиным. Сталин был тогда на юге, и Чжоу Эньлай прямо полетел туда. Об этих переговорах я узнал уже позже, когда Чжоу Эньлай улетел.

Сталин, когда вернулся в Москву, рассказывал, что Чжоу Эньлай прилетел по поручению Мао Цзэдуна посоветоваться, как быть. Он спрашивал Сталина, выдвигать ли на территорию Северной Кореи китайские войска, чтобы (у корейцев уже не было войск) преградить путь на север южнокорейцам и американцам, или же не стоит.

Сперва, поговорив со Сталиным, они вроде пришли к выводу, что Китаю не стоит вмешиваться. Потом, когда Чжоу Эньлай готовился к отъезду, кто-то

проявил инициативу — то ли Чжоу Эньлай по поручению Мао Цзэдуна или же Сталин, — и они опять вернулись к обсуждению этих вопросов. И тут уже согласились с тем, что Китай выступит в поддержку Северной Кореи. Китайские войска уже были подготовлены и находились на самой границе. Считали, что эти войска вполне справятся, разобьют американские и южнокорейские войска и, таким образом, восстановят положение.

Чжоу Эньлай улетел. Я его не видел, не слышал и говорю только то, что узнал потом по рассказам самого Сталина. Там ничего не было, по-моему, кроме Сталина.

Так был решен вопрос о том, что Китай вступает в войну добровольцами. Он не объявлял войну, а послал добровольцев, которыми командовал Пын Дехуэй. Мао Цзэдун дал очень высокую оценку Пын Дехуэю. Он говорил, что это лучшая, самая яркая звезда на китайском военном небосклоне.

Начались бои. Нужно сказать, что китайцы действительно остановили продвижение южнокорейцев и американцев. Шли упорные бои.

Сохранились все документы, в которых Пын Дехуэй докладывал обстановку Мао Цзэдуну. Он составлял обширные телеграммы, в которых излагал планы военных действий против американцев. Там намечались рубежи, намечались сроки и силы, которые нужны.

Он категорично заявлял, что они будут разбиты, будут окружены после решающих фланговых ударов. Одним словом, несколько раз в этих планах, которые сообщались Мао Цзэдуну, а Мао пересылал их Сталину, промилась войска США и война кончалась.

Но, к сожалению, война не кончалась. Китайцы терпели очень большие поражения. Мы получили сообщение, что при налете на командный пункт был убит китайский генерал — сын Мао Цзэдуна. Мао Цзэдун потерял сына в Северной Корее.

Война продолжалась, и война была очень упорной и кровавой. Китай нес очень большие потери, потому что его техника, вооружение значительно уступало США. Тактика была построена главным образом на использовании живой силы — и оборона, и наступление.

Война принимала затяжной характер. Уже стабилизировались фронты и с той, и с другой стороны.

В это время Сталин умер. Война продолжалась. Я эту войну сейчас представляю в своих записях, конечно, схематично, потому что я по памяти все говорю, а документов, в которых, например, решались вопросы по оказанию военно-технической помощи северокорейцам, я вообще не видел. Их никто не видел, кроме Сталина. Но основу нашей политики я знал. Документы, которые мы получали от нашего посла, я читал. В это время я уже получил «права гражданства» и стал почти читать. Сталин сказал, чтобы мне рассылали документы, а то раньше я почти не получал.

Когда я работал на Украине, я никакой почты Политбюро не получал, кроме тех вопросов, которые непосредственно относились к Украине или ко мне лично. Теперь же получал донесения от Пын Дехуэя, которые Мао пересылал Сталину. Сталин их рассылал, и я, таким образом, лучше знал положение дел, которое сложилось в Северной Корее.

Вот, собственно, корейский вопрос.